По запасникам и экспозициям музеев и картинных галерей

IN STOREROOMS AND EXPOSITIONS OF MUSEUMS AND ART GALLERIES

DOI 10.25712/ASTU.2518-7767.2017.03.008

УДК 7.036

К СИМВОЛИКЕ ОБРАЗА ОЛЕНЯ В СКИФО-СИБИРСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ ФИЛИППОВСКОГО КУРГАНА №1

Тютюгина Наталья Владимировна
Кандидат искусствоведения,
член Ассоциации искусствоведов России,
доцент кафедры живописи
Уфимского государственного института
искусств им. З. Исмаилова.
Россия, г. Уфа.
tjutjugina@list.ru

Аннотация

Статья посвящена уникальному памятнику мирового искусства, истории и археологии – скульптурам оленей из Филипповского кургана №1. Памятник относится к сарматской культуре IV в. до н.э. Несмотря на свою уникальность, скульптуры оленей вписываются в общую символику звериного стиля скифо-сибирской цивилизации. В процессе анализа художественных, технологических и смысловых особенностей скульптур Филипповских оленей выявляется сложная символика образа: его связь с астрономическими знаниями, с явлениями инобытия. Опираясь на исследования крупнейших ученых, историков, археологов, этнографов, советской и российской науки, автор поддерживает теорию возникновения образа оленя как главного в иерархии звериных символов на территории Евразии – в эпоху каменного века. В процессе анализа автор приходит к выводу о том, что образ оленя в скифо-сибирской цивилизации символизировал собой Женское Начало бытия – Мать-Природу.

Ключевые слова: Филипповский курган №1, Филипповские олени, скифо-сибирская цивилизация, звериный стиль, золото, серебро, медь, бронза, ель, береза, ива, Полярная звезда, солнце, луна, Венера, каменный век, мать-природа, женское начало.

Библиографическое описание для цитирования:

Тютюгина Н.В. К символике образа оленя в скифо-сибирском зверином стиле: по материалам Филипповского кургана №1 // Искусство Евразии. – 2017. – № 3(6). – С. 68-87.
DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2017.03.008. [Электронный ресурс]
URL: <https://readymag.com/u50070366/821476/18/>

*И узнанный каменный век скажет нам многое.
Скажет то, что только иногда еще помнит
индийская и шаманская мудрость!*
Н.К. Рерих

В 1986-1988 годах археологическая экспедиция Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР (ныне Института истории, языка и литературы УНЦ РАН РБ) под руководством выдающегося уфимского археолога Анатолия Харитоновича Пшеничникова (1936-2016) провела раскопки самого большого, царского, кургана №1 возле деревни Филипповка Оренбургской области [24]. Внутри кургана археологи обнаружили четыре захоронения с плохо сохранившимися остатками человеческих костей и почти полностью разграбленные [24, с. 25]. Все основные находки, а это свыше тысячи предметов, выполненные в большинстве своем из золота, были найдены в двух тайниках кургана и при входе в курган, в коридоре-дромосе.

Открытие Филипповского кургана №1 (V-IV вв. до н.э.) стало сенсацией мирового масштаба: наконец-то, в Южном Приуралье был открыт царский курган с большим количеством (1142) ювелирных изделий, в основном, из золота [24, с. 236]. Выполненные в характерном зверином стиле, эти произведения стали на сегодняшний день самым важным, недостающим звеном в изучении культуры кочевников скифского времени на Южном Урале. Художественное исполнение и символика ювелирных изделий из Филипповского кургана №1 наиболее ярко в очередной раз подтвердили, с одной стороны, своеобразную локальность культуры номадов Южного Урала, с другой стороны, тесную связь этой культуры со скифским миром на Востоке и Западе, а также с культурой Ахеменидского Ирана: в кургане были обнаружены импортные изделия иранского происхождения. Находки экспедиции А.Х. Пшеничникова после долгих лет реставрации объездили весь мир и затем «осели» в постоянной экспозиции Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского научного центра Российской академии наук.

Среди всех археологических ценностей, обнаруженных в Филипповском кургане №1, своей уникальностью выделяются, прежде всего, деревянные скульптуры оленей (рис. 1), оббитые золотом и серебром. По типу расположения рогов относительно туловища – перпендикулярно или параллельно – исследователи определили скульптуры как двухплоскостные (10 экземпляров) и одноплоскостные (16 экземпляров). Судя по своему размеру (51,2 x 45,3 x 25 см двухплоскостные; 41-42 x 21,5-22 см одноплоскостные), превышающему все другие изображения животных в этом комплексе, а также по общему количеству изображений оленей (188) на других изделиях, образ оленя имеет главное значение в иерархии животных символов, представленных в кургане. Уникальность этих скульптур была отмечена в ряде исследований, в том числе, сотрудников Эрмитажа, которые реставрировали оленей [8, 9, 10]. Но некоторые моменты нам бы хотелось заострить особо, не вдаваясь при этом в подробное описание памятников, так как основательно они

представлены в научных трудах А.Х. Пшеничниюка [8, 9, 10, 24] и Е.Ф. Корольковой [8, 9, 10, 15]. В данной статье нас, прежде всего, интересует символика образа оленя в скифо-сибирской цивилизации, нюансы которой, на наш взгляд, открываются через Филипповские скульптуры. Эта символика, несомненно, связана со сложными и развитыми космологическими и мифологическими представлениями скифо-сибирского мира, о чем свидетельствует многообразие форм и сюжетов звериного стиля.

Рис. 1. «Золотые олени», Филипповский курган № 1, Предуралье. Источник: <http://mtdata.ru/u29/photo326E/20763371851-0/original.jpg#20763371851>

В облике Филипповских оленей сразу бросается в глаза условность изображения, передающая не реальный облик оленя как биологического вида, а лишь примерное о нем представление. Мы понимаем, что перед нами изображение оленя, а не какого-то другого животного, прежде всего, по ветвистым рогам, хотя они больше напоминают лабиринт, нежели реальные оленьи рога. Далека от реального облика и чрезмерно вытянута тупая морда животного, укороченные ноги. Из этой изобразительной условности облика оленя можно сделать вывод о том, что художники, создававшие образ, не видели реальное животное и не знали, как оно выглядит. По некоторым сведениям ученых в период жизни народа, создавшего Филипповские курганы, в лесостепной зоне Южного Урала благородные олени не водились, а северный олень обитал вне зоны кочевья сарматов [11, с. 63-65]. Очевидно, в данном условном изображении оленя перед нами предстает закрепленная в сознании кочевников древняя традиция, истоки которой теряются в глубине веков. Филипповские курганы изобилуют изображениями различных животных (верблюды, сайгак, рыба, грифон, лошадь, медведь, волк, кабан, архар, ворон, бык, тигр), большинство из которых созданы в местной мастерской и имеют достаточно реалистические формы изображения при всей своей условной декоративности, обусловленной утилитарностью предметов, которые они украшают. Скульптуры же оленей выделяются именно своей предельной отдаленностью от реального облика. Но именно они, и по своим размерам, и по своей самостоятельной функции, не связанной с украшением какого-либо предмета, главенствуют в этой иерархии животных. Эта традиция почитания оленя, несмотря на то, что филипповские мастера уже не имели представления о том, как выглядит это животное, несомненно, имеет очень древние корни, гораздо более древние, чем существование самой скифо-сибирской цивилизации. Сам факт того, что скифо-сибирская цивилизация была коневодческая, и олени не были основным источником жизни для кочевников евразийских степей в 1 тыс. до н.э., может свидетельствовать о том, что образ оленя как символ духовного культа кочевников зародился

в более раннюю эпоху, когда олень был основным источником жизни для кочевников. Причем смысловая и духовная сторона этой традиции оказывается настолько энергетически мощной, что продолжает жить в сознании кочевников, которые давно утратили тесную связь с оленем как с биологическим видом.

Рис. 2. Олень двухплоскостной. Золото, серебро, дерево. Филипповский курган №1. IV век до нашей эры. Источник: <http://rivertourist.ru/viewtopic.php?f=140&t=3817&start=84>

Рис. 3. Олень двухплоскостной. Золото, серебро, дерево. Филипповский курган №1. IV век до нашей эры. Источник: <http://rivertourist.ru/viewtopic.php?f=140&t=3817&start=84>

Известно, что первые изображения оленей встречаются в эпоху каменного века, они появляются вдруг, как и само искусство палеолита на евразийских просторах. Изображения оленей в пещерной живописи, вырезанные на кости, выбитые на камне, имеют совершенную художественную форму, узнаваемую вплоть до определения биологического вида животного: большерогий олень (самый древний вид, встречающийся в искусстве каменного века), благородный олень, северный олень, лань, лось. Обращает на себя внимание равнозначность этих изображений по отношению к другим видам животных, встречающимся в искусстве палеолита: бык, бизон, медведь, лев, лошадь и т.д.

Остается неопределенным вопрос, когда именно олень у евразийских кочевников стал занимать в иерархии образов животных главенствующее положение. А.П. Окладников [22] и Б.А. Рыбаков [27] предположили, что это была эпоха мезолита, когда природа в очередной ледниковый период дала возможность человеку выжить путем приручения северного оленя.

Как считают современные исследователи, окончательное прекращение ледниковых явлений относится ко времени 10-9 тыс. до н.э. Удивительно то, что даже в самые суровые времена оледенения Евразии (28-20 тыс. до н.э.) человек не просто не покидал холодные территории и не просто выживал, а продолжал творить и развиваться. Более того, последние исследования в Якутии доказали, что человек появился на территории Азии одновременно с африканским человеком – 3,2-1,8 млн. лет назад, и выживал он не в благоприятном климате, а при температурах гораздо более низких, чем мы это наблюдаем на территории современной Якутии: минус 60° по Цельсию в ледниковый период было нормой [20, с. 114-121]. Вполне возможно, что в процессе дальнейших исследований время почитания оленя как главного символа в иерархии божеств у древних кочевников отодвинется глубже эпохи мезолита.

*Рис. 4. Головы оленей. 15 000 - 9 000 лет до н.э.
Черный пигмент. Мадлен. Местоположение: Пещера
Ляско, Дордонь.*

Источник: http://art.biblioclub.ru/picture_108228_golovy_i_oleney

*Рис. 5. Олень. 15 000 - 9 000 лет до н.э.
Черный пигмент. Мадлен. Местоположение:
Пещера Ляско, Дордонь. Источник:*

http://art.biblioclub.ru/picture_108228_golovy_i_oleney/

Ко времени приручения оленя относится и соединение этого образа с образом лося – самого крупного представителя этого семейства. Как показывает опыт современных оленеводов, они до сих пор продолжают охотиться на лося, и у них существует праздник, посвященный этому животному [19, с. 63-65]. Как писал Б.А. Рыбаков: «На огромном компактном пространстве от Лены до Северного Приуралья у эвенков, нгансан, далган, а за пределами этого пространства у сахалинских нивхов существуют более или менее однородные мифы о двух владычицах небесного мира, наполовину женщинах, наполовину лосихах (или важенках), от которых зависит все благополучие охотничьих племен – приплод оленей. Рогатые важеньки указывают на северного оленя – единственный вид, у которого самки имеют рога. Архаизм этих мифов не подлежит сомнению: массовая охота на северного оленя началась еще в палеолите, а в мезолите стала особенно важной. Олени и лоси, важеньки и лосихи в подобных мифах взаимозаменяемы, что позволяет объединять в общий комплекс легенды об оленях-лосях» [27, с. 61].

Олень-лось стал для кочевников евразийской тундры всеобъемлющим символом мифологических представлений о Бытии. И эти представления были настолько мощны по своей энергетике и глубине познания природы, космоса и места человека в этом мире, что

продолжали сохраняться через десятки тысячелетий совсем в другом времени – в середине-второй половине 1 тыс. до н.э., в других климатических условиях – в резко континентальном климате, в другом природном ландшафте – лесостепной зоне, в другой исторической эпохе – в раннем железном веке скифо-сибирской цивилизации.

Но время приручения северного оленя, на наш взгляд, не может абсолютно соотноситься со временем формирования основных представлений человека о законах Космоса, природы и места человека в этой жизненной цепи. Возможно, эти знания сформировались еще до того, как олень-лось стал символом мифологических знаний о мире древнего человека. Слишком целостными и глубокими предстают эти знания уже в эпоху палеолита, судя по пещерной живописи, что также подтверждается исследованиями космогонических представлений каменного века [18, 21]. Как писал А.П. Окладников: «Представления племен тайги и тундры о живом солнечном божестве и олене-вселенной уходили в такую неизведанную глубину, в такое подлинное детство мышления, что туда как следует еще не проник даже и заступ археолога» [22, с. 8].

Вероятно, олень-лось в силу своей жизненной значимости лишь на определенном этапе эволюции человечества (в последний ледниковый период на территории Евразии) стал очередным символическим выражением еще более древних духовных знаний человека о мире и Космосе. Косвенное подтверждение такому предположению можно видеть в изменении животных символов, но не самих знаний о природе, и внутри скифо-сибирской кочевой цивилизации. Так, постепенно в изменяющейся в сторону потепления климатической среде вокруг человека в лесной зоне образ оленя-лося со временем был заменен образом медведя, а позднее в среде кочевников евразийских степей – образом коня, о чем также в своем исследовании пишет Б.А. Рыбаков [27]. Характерным признаком такой постепенной трансформации в скифо-сибирской цивилизации является сохранившееся в Пазырыкском кургане ритуальное снаряжение коня в виде оленя. Изменением климатических условий и образа жизни кочевников, а также влиянием соседей – таких, как Греция, Китай, Персия, можно также объяснить постепенную замену у кочевников образа оленя-лося на изображение горного козла, барана, быка. То есть образ оленя-лося является этапом эволюции не самого мировоззрения скифо-сибирской цивилизации, а лишь его символично-изобразительного воплощения. Но можно предположить, что эти знания могли иметь и более древние истоки, так как независимо от изменений климата и среды обитания человека и соответственно изменений звериной символики в искусстве эти универсальные знания, по сути, остаются в своей основе едиными и для кочевой цивилизации, и для цивилизации оседлой, и, прежде всего, это касается, знаний о приполярных созвездиях и Полярной звезде, указывающих с определенной периодичностью на Северный полюс и ось вращения земли.

Каким бы практическим назначением, связанным с ориентацией в пространстве, ни пытались исследователи объяснить роль Полярной звезды у всех известных цивилизаций, и кочевых, и оседлых, причем начиная с каменного века, этой аргументации, на наш взгляд, недостаточно, чтобы объяснить культовую и духовную значимость этого космического объекта для всех времен и народов. Истоки этих знаний о движении приполярных созвездий и периодическом переходе роли Полярной звезды от одного созвездия к другому, о связи этой звезды с северным полюсом, в обозримой нами истории человечества пока остаются неясными: объяснение появления этих знаний исключительно практическими наблюдениями за небом человеком каменного века из поколения в поколение, на наш взгляд, является неубедительным. Поражает в этих древних знаниях проведение мифологической связи отдаленных звезд с жизнью природы и человека на земле. Еще можно понять ежедневную и

непосредственно наблюдаемую человеком связь жизни на земле с Солнцем и Луной. Но Полярная звезда и приполярные созвездия, которые в течение тысячелетий попеременно берут на себя по очереди роль определять (и то не всегда) ось земли, каким образом могут влиять на жизнь на земле, как это образно описывается в древних мифах? Какие практические наблюдения древних кочевников могли эту связь выявить, если даже современная наука эти движения созвездий наблюдает только визуально? Вопрос остается открытым.

И здесь, переходя собственно к символике образа оленя-лося в скифо-сибирской цивилизации, вполне закономерно предположить, что одно из смысловых значений этого образа связано с Полярной звездой и созвездиями, которые мы сейчас называем Большая и Малая Медведицы. По историческим и этнографическим материалам исследователи восстанавливают явные исторические изменения названия групп звезд в Северном полушарии земли, которые мы определяем как Большая и Малая Медведицы и среди которых в данный исторический период находится Полярная звезда [2]. Среди названий созвездий Большой и Малой Медведиц были и существуют у некоторых народов до сих пор и такие названия, как «Лосиха с лосенком» [3, с. 11] или «Олениха с олененком» [27, с. 51-61]. Так коренные жители камчатки коряки-оленоводы созвездие Большой Медведицы называли «Дикий олень», планету Венера – «Белый олень», было у них и неопределимое в настоящее время созвездие «Самка оленя с телятами» [13, с. 120]. О космической и звездной семантике образа оленя-лося в культуре евразийских номадов, начиная с каменного века и заканчивая эпохой образования славянских племен, своеобразным этапом которых явилась скифо-сибирская цивилизация, писали в свое время также А.П. Окладников, Б.А. Рыбаков, В.Д. Кубарев [17, 22, 27].

Возможно, изменение звездного неба в I в. н.э., когда Полярная звезда сместилась на небосклоне, и северный полюс оказался более чем на тысячелетие не обозначенным звездой, и связано исчезновение образа оленя-лося в культуре кочевников евразийской степи, а с ним и скифо-сибирской цивилизации в узком смысле этого понятия. Б.А. Рыбаков приводит целый комплекс фольклорных преданий, в которых рассказывается о приходе двух оленей или оленихи с олененком для заклания на праздник, но в какой-то момент олени перестают приходить, и крестьяне в качестве жертвенного животного начинают выбирать быка или барана [27, с. 51-61]. В этом случае начальную границу скифо-сибирской цивилизации нужно расширить по звездному летоисчислению до 1500 года до н.э., когда в очередной раз Полярная звезда стала принадлежать созвездиям «Оленихи с олененком», или, как бы мы сейчас сказали, Большой и Малой Медведицы, а конечную – I в. нашей эры. И хотя на современной звездной карте Полярная звезда включена лишь в созвездие Малой Медведицы, но мифологически эти два созвездия – Большой и Малой Медведицы – объединены вместе. Возможно, по представлениям древних, в том числе, скифо-сибирских кочевников, это было единое созвездие.

В этой связи, уместно говорить о том, что и сарматы Филипповских курганов, естественным образом включенные в скифо-сибирскую цивилизацию, обладали такими же знаниями о Космосе и звездном пространстве, которое разворачивало перед ними свою мистерию в Южно-уральских степях. Естественно предположить, что в древности одно из приполярных скоплений звезд, которое мы называем Большая и Малая Медведицы, ассоциировалось у них с образом оленя, а конец «ковша» Малой Медведицы представлялся им осью земли – Полярной звездой.

В связи с возможными космологическими представлениями скифо-сибирской цивилизации интересно отметить и числовую значимость Филипповского образа оленя.

Двухплоскостных скульптур оленей было обнаружено 10, а одноплоскостных – 16. Нет веских оснований предполагать, что в тайники были спрятаны не все олени, и грабителям что-то удалось унести, так как вместе с оленями были обнаружены свыше тысячи более мелких по размеру, чем олени, золотых предметов. Возможно, тайники были сделаны заранее или сразу же после первой попытки ограбления. Более того, дополнительные раскопки Филипповского кургана №1, проведенные в 2013 году под руководством московского археолога, заведующего отделом скифо-сарматской археологии Института археологии РАН А.Т. Яблонского (1950-2016), обнаружили в кургане еще одно не разграбленное захоронение царского достоинства, что также явилось не меньшей сенсацией для исследователей, чем открытие в свое время экспедиции А.Х. Пшеничниока [35, 36]. Захоронение оказалось женским и содержало около 1200 предметов, также выполненных, в основном, из золота. Для нас примечательным является тот факт, что большинство украшений имели изображение оленей, а на каждом пальце рук погребенной находилось по золотому перстню с изображением оленя. Десять – явно число знаковое для Филипповских захоронений. Десятичная система исчисления, являясь самой древней и универсальной в истории человечества, к тому же обозначает всеобъемлемость представлений о мироздании. Уже сама форма перстня говорит о том, что знак круга мог быть у Филипповских сарматов символом вечности. Главным и первым проявлением в этой вечности, что математически обозначается единицей, в изображении перстня является олень, украшающий кольцо. В этой связи интересно и мнение А.Х. Пшеничниока относительно первоначальных размеров кургана: диаметр Филипповского кургана №1 изначально мог быть 120 м, а высота его когда-то составляла 20 м [9, с. 12]. Предполагаемые размеры также вполне вписываются в символику десятичной системы и соответствуют представлению о дальнейшем разделении проявленной Вселенной из единицы в двойственный мир: мужское-женское, левое-правое, верх-низ – включенный в круг вечности, символизируемый нулем, что также находит отражение в круглом основании кургана. Если древние кочевники в своих мифах рассматривали взаимосвязь жизни на земле со звездами, то естественно у них должна была быть и своя система взаимосвязи с планетами солнечной системы. По пифагорейской системе число 6 обозначало самую яркую планету на звездном небосклоне – Венеру. И здесь мы опять же можем обратиться к корякским представлениям о планете Венере как о «Белом олене» [13, с. 120]. Возможно, количество одноплоскостных скульптур оленей числом 16 (10+6) каким-то образом связано с этой планетой. В свое время еще В.Д. Кубарев, исследуя оленные камни на Алтае, обратил внимание на важность числового значения в их символики [17, с. 87-89]. В этой связи интересно отметить, что в захоронении молодой женщины Пазырыкской культуры, открытом в 1993 году на плато Укок, обнаружено шесть коней [23, с. 76]. О символике числа шесть в славянской традиции писал и Б.А. Рыбаков [27, с. 300].

С космологической символикой связаны и металлы, которыми покрыты скульптуры Филипповских оленей – золото и серебро. Во всех культурах мира они соответственно символизируют Солнце и Луну. Интересно отметить, что гвозди, жгуты и перекладки, которыми скреплялось золото и серебро с деревом в скульптурах, были изготовлены из меди и бронзы, что также свидетельствует о символической значимости меди (основной состав бронзы также медь): ведь можно было бы использовать те же золотые или серебряные крепления. Использование меди в качестве скрепляющего элемента в скульптуре оленей выявляет символическое значение этого металла как связующего звена, своеобразного моста

между мирами. Само слово «медь», имея неясную этимологию, используется, в том числе, в значении «срединный» (медиевистика – наука о средневековье) или «посредник» (медиум)¹.

Рис. 6. Скульптура оленя. Филипповский курган №1 (Оренбургская обл.). Золото, серебро, бронза, дерево. 4 в. до н.э. Музей археологии и этнографии Уфимского научного центра РАН. Источник: <https://bigenc.ru/text/3041894>

Рис. 7. Скульптура оленя. Филипповский курган №1 (Оренбургская обл.). Золото, серебро, бронза, дерево. 4 в. до н.э. Музей археологии и этнографии Уфимского научного центра РАН. Источник: <https://bigenc.ru/text/3041894>

Интерес также вызывает дерево, из которого выполнены скульптуры оленей. Исследователи определили породу дерева – ива и береза [4, с. 54-61]. Несомненно, эти деревья имели сакральное значение для создателей Филипповских курганов.

Здесь необходимо подчеркнуть важность образа дерева для кочевников в целом. У этнографов представлено достаточно примеров, в которых мифология кочевников-оленоводов представляет рога оленя как символ древа жизни. У малочисленного народа севера – якутских эвенов – до сих пор сохранился миф о превращении ветвей мирового древа в рога оленя [5, с. 72-117]. Также ученые отмечают фонетическое и смысловое созвучие слов в индоиранских языках, обозначающих одновременно оленя и ветвь дерева: kha (каха) (др.-инд.), saka (др.-иран.), sag (осетин.). На одном из этих языков говорили и скифо-сарматы. Производными от этих слов стало название коренного народа Якутии «саха» и русских слов «соха» (плуг, который первоначально делался из рога) и «сохатый» (лось). Естественным образом дерево так же, как и камень-кремень, связано с огнем – незаменимым источником жизни, дающим свет и тепло.

¹ В некоторых, в том числе женских, погребениях Пазырыкской культуры также встречаются медные гвозди, которыми были приколочены крышки колод [23, с. 69].

Рис. 8. Герб г. Ельца. Источник: <https://elets-adm.ru/assets/components/themebootstrap/images/logo.png>

В этой связи интересно отметить явное созвучие таких слов в русском языке, как «олень (лань, лось) – луна – солнце – ель». Так, на гербе российского города Елец до сих пор одновременно изображены олень и ель. А христианскому великомученику Евстафию (II в.) явилось распятие Христа – символ древа жизни – между рогов оленя. Все эти слова обозначают понятия, без совокупности которых человек бы не смог выжить в суровых условиях ледникового периода. И, несомненно, в них есть общий индоевропейский пракорень, который по смыслу должен обозначать связь человека с внешним миром, своеобразную пуповину-луч, дающую человеку жизнь. Ученые отмечают, что на определенном этапе развития славянских языков слово «ель» обозначало не породу дерева, а его качество «острый, колющий». Естественно предположить, что слово «ель» по отношению к дереву изначально могло обозначать любую хвойную породу – ель, пихту, сосну, кедр или лиственницу. В свою очередь, слово «олень» изначально определяло не само животное, а цвет – рыжий (желтый, золотой; возможно, огненный) [32]. Подобной жизненно-огненной «остротой», пронзающей силой, дающей свет и тепло, обладали для древнего человека каменного века одновременно и хвойное дерево, и рога оленя, и лучи светил – звезд, Солнца, Луны. Неслучайно исследователи слово «луна» считают связанным со словами «луч» и «блеск», слово «солнце» в этимологических словарях также обозначает не предмет, а его качество – «свет».

По свойствам и качествам получили свои названия и такие деревья, как ива и береза. Название «ива» в русском языке ученые связывают с индоиранскими корнями, обозначающими «гибкая» и «красная». Действительно, ивовые прутья удобны для плетения, а кора дерева имеет красноватый оттенок. Соответственно слово «береза» в этимологических исследованиях трактуется как «белая» и «блестящая».

Еще К.Ф. Смирнов в своей монографии, посвященной савроматам-сарматам, которых он по археологическим данным объединяет культурной и территориальной преемственностью, отмечал наличие в курганах веществ (минерал реальгар, охра, сера, мел и др.), в основном, трех цветов: красного, белого и желтого – и связывал символику этих цветов с культом огня

[29, с. 94-167]. Исследователь также отмечает соединение культа огня с культом воды [29, с. 250-254].

Если обратиться к символике материалов, которые использовались мастерами для создания Филипповских оленей, то мы видим, прежде всего, представление сарматов о двойственной природе бытия: золото-серебро, береза-ива. С большей долей вероятности можно утверждать, что золото-береза символизировала огонь, а серебро-ива – соответственно воду. Береста известна своей горючестью, а золото всегда ассоциировалось с Солнцем. В этой связи наличие веществ желтого цвета (охра, сера) в савроматских и сарматских захоронениях может рассматриваться не как самостоятельный символ, а как вариация символа красного. Что касается соединения серебра-ивы, то связь с водой также представляется очевидной. Ива предпочитает расти у водоема, и неслучайно ее называют плакучей, т.к. нередко ветви ее, касаясь воды, настолько напитываются влагой, что капельки начинают выделяться и стекать по листьям. Ассоциация серебра с Луной также широко представлена в мировой культуре, а влияние Луны на водные процессы на земле, в том числе, на зачатие и рождение, было известно с древнейших времен.

Но не только внешние качества деревьев сделали хвойные породы (ель, сосну, пихту, кедр, лиственницу), иву и березу символами сакрального начала бытия в культуре евразийских кочевников. Именно эти породы деревьев в виде карликовых форм упорно выживали в условиях периодически возникающих в Евразии ледниковых периодов: одними из самых древних тундровых деревьев ученые считают карликовую сосну, карликовую березу и карликовую иву. И здесь перед нами вновь возникает очевидная связь между евразийской культурой скифо-сибирских кочевников и кочевниками каменного века. Если в Филипповском кургане хвойное дерево представлено опосредованно в виде символических рогов оленя, то в Пазырыкской культуре из хвойных пород были выполнены погребальные колоды и срубы. Иначе, чем древними истоками, восходящими к каменному веку ледникового периода, невозможно объяснить упорную привязанность сарматов, в частности, и скифо-сибирских кочевников, в целом, к определенным породам дерева.

Сам факт использования ивы и березы в Филипповском погребении говорит о связи этих деревьев в мифологии сарматов с посмертными, инобытийными явлениями. Об этом свидетельствует и этнографический материал. Так, башкирские кладбища традиционно

располагаются в березовых рощах: березу у башкир не принято сажать возле дома, зато ее сажают у могил. Береза в башкирской традиции как символ печали проявляется и в самом слове «кайын» (береза), созвучном слову «кайғы» (горе) [31, с. 133-138]. В китайской традиции ива была символом связи живущих с предками [14, с. 45-46]. Отголоски древней традиции, связывающей иву с посмертным бытием, сохраняются и в христианской традиции: верба в православии является символом Воскресения Христа.

О космологическом значении образа оленя можно говорить и в связи с S-образным и спиралевидным орнаментом, который украшает тело Филипповских скульптур. Самая древняя подобная орнаментика опять же восходит к каменному веку. Исследователи видят в этих орнаментальных изображениях и образ змеи, и образ птицы, и образ солнца [6, с. 74; 27, с. 170-305]. И здесь опять же важно подчеркнуть, что символы животных, на наш взгляд, не были изначально предметами поклонения для древнего человека – они являлись лишь художественным выражением, своеобразной ассоциацией, синтезированным представлением человека о качествах божества, а формы проявления этих качеств могли быть самыми многоликими, как многолика сама природа. И качествами бога изначально были такие, как золотой, подвижный, горячий, сияющий, пронзительный, текучий и т.д. Неслучайно, повторим, привычные для нас названия предметов «олень», «береза», «ива», «ель» обозначали изначально свойства и качества, а не сам предмет. Животные и растения, являясь естественной средой обитания человека, и свойства которых в той или иной степени ассоциировались с представлениями человека о качествах бога, становились изначально лишь символами этого бога, но никак ни самим божеством. Лишь со временем, входя в массовое сознание, животный или растительный образ бога становился самым богом и предметом поклонения, а позднее вообще символический образ превратился в тотемный знак, утрачивая в сознании большинства свою изначальную художественно ассоциативную функцию. То есть общее, синтетическое, ассоциативное представление о божественном в природе заменялось в массовом сознании частным, конкретным, предметным представлением. И если мы обратимся к символике спирали и S-образного знака, которыми орнаментировано тело Филипповского оленя, то мы должны найти те общие качества и свойства, которые объединяют вместе образы птицы, солнца и змеи и которые в результате стали обозначаться общей спиралевидной идеограммой. И такими свойствами и качествами являются, прежде всего, ритмично обновляемое движение и соединение огненной (небесной) и водной стихий: солнце всходит и заходит, имеет точки возрастания и убывания – весеннего и осеннего равноденствия и т.д., солнце – есть огонь, огонь соединяется с водой во время грозы; змея обновляет кожу, волнообразно движется, скручивается в спираль, она живет на земле и движется по воде, жало ее обжигает; водоплавающие птицы живут в трех стихиях – в воздухе, в воде и на земле. Не только тело, но и рога Филипповских оленей также имеют спиралевидные и S-образные завитки, а концы ответвлений заканчиваются головами грифонов. Исследователи финно-угорской и тюркской мифологии отмечают особую связь образа птицы с Богиней-Матерью – Умай (Хумай) [16, с. 12; 28, с. 75-77]. Есть предположение о том, что само имя Богини восходит к ираноязычной традиции, в которой образ Хумай представлен в облике птицы счастья – грифа [28, с. 76-77].

И здесь мы подходим к следующему аспекту символики образа оленя в скифо-сибирском зверином стиле, связанным с Женским Началом Бытия, с образом Великой Матери, с Матерью-Природой, Матерью Мира как ее определил вслед за Н.К. Рерихом Б.А. Рыбаков [27]. Филипповские олени как представители сарматского звериного стиля скифо-сибирской цивилизации являются своеобразным тому доказательством. Благодаря исследованиям

советских ученых Б.Н. Гракова [7, с. 100-121] и К.Ф. Смирнова [29] выяснилось, что именно у сарматов, как ни у кого из других народов скифо-сибирской цивилизации, сохранились в общественном устройстве пережитки матриархата. О высоком царском положении женщины, среди символов которой представлен образ оленя в виде золотых перстней, свидетельствует и захоронение в Филипповском кургане, обнаруженное А.Т. Яблонским. Есть все основания предполагать, что и деревянные скульптуры оленей, найденные в тайниках в том же кургане, сопровождали именно женские захоронения. Особенностью этих погребений является наличие таких предметов, как котлы, которые в традиционной культуре, например, хантов и манси были исключительно женской принадлежностью [19, с. 101-105].

Дело в том, что останки четырех погребенных, обнаруженные А.Х. Пшеничноком в Филипповском кургане №1, не были идентифицированы из-за плохой сохранности. Но наличие определенных предметов, как то бусина, бисер, серьга, а также кинжал и наконечники стрел, сохранившихся рядом с останками, дает основание предполагать присутствие здесь женских тел [24].

Как известно по исследованиям сарматских курганов, женщины этой народности славились своей воинственностью, и нередко в женских захоронениях находили вооружение в виде колчана со стрелами и кинжала [29].

Обращает на себя внимание и то, что характерный предмет мужского сарматского вооружения – меч – находился не в самом кургане, а при входе в него, в так называемом, коридоре-дромосе. Есть мнение ученых о том, что захоронения в дромосе сарматских курганов – это жертвенные захоронения, которые сопровождают покойных в загробный мир как хранители, то есть статус их ниже тех, кто погребен собственно в кургане [33, 34]. Все остальные предметы, обнаруженные в тайниках кургана, представляют собой исключительно украшения, бытовые и ритуальные изделия.

Если мы возводим истоки скифо-сибирского образа оленя как символа единства макро и микрокосмоса к каменному веку, то естественно предположить изначальную связь этой символики с женской природой. Традиционно принято считать, что высокая роль женщины в эпоху каменного века связана с ее функциями продолжательницы рода и хранительницы очага [30, с. 552-562]. И как подтверждение исследователи приводят в пример скульптуры палеолитических Венер. Но этнографический материал и славянских, и финно-угорских, и самодийских народов изобилует примерами, в которых с Женским Началом также связаны формы растительного и животного царства, в том числе олень и дерево.

Рис. 9. Традиционное декоративное искусство башкир.
Источник: <https://i.pinimg.com/736x/f9/28/fb/f928fb66b9ce2228118adba67c2ef59d.jpg>

Так у башкир, которые сохраняли кочевой образ жизни вплоть до первой трети XX века, в традиционной культуре проявлялся, прежде всего, женский аспект образа оленя. Башкиры верили в то, что между рождением ребенка и оленем есть магическая связь. Мотивы оленьих рогов встречаются на налобных и нагрудных повязках башкирских женщин, на аппликациях и вышивках женских халатов, на лентах для перевязывания постели и чепраках к женским седлам [12, с. 168-173] (рис. 9). Не все исследователи в отдельных узорах башкирских вышивок видят изображения оленьих рогов, некоторые из них утверждают, что это исключительно мотивы рогов барана. Но учитывая изобразительную особенность Филипповских скульптур, которая отражает трансформацию образа в сторону условности в силу изменения жизненных условий, когда народ, создавший этих оленей, в отличие от своих предков, уже не знал, как в реальности выглядит прототип образа, вполне можно предположить такую же трансформацию и в изобразительной традиции башкир. Со временем более древний образ, каковым является олень, преобразился в искусстве башкир в более понятный и жизненный для них образ барана, который, в отличие от оленя, сопровождал жизнь башкир постоянно, вплоть до наших дней. И лишь отголоски почитания оленя предками башкир дошли до наших дней. Изображение оленя как символа Матери предстает и на бубнах якутских шаманов, которое создается желто-красным цветом – охрой или кровью [5]. У хантов небесная Богиня-Мать символизируется и оленем, и Солнцем, и огнем, и березой [19, с.19-21].

Опираясь на этнографический материал, можно с большей долей вероятности утверждать, что в представлениях каменного века, а затем скифо-сарматской цивилизации, женский аспект бытия ассоциировался не только с продолжением человеческого рода и домашним очагом, что нашло воплощение в палеолитических Венерах, но и с творящим началом самой природы, в целом, с космической Природой-Матерью. Но если палеолитическая Венера как символ женского начала непосредственно была связана с чисто человеческой природой, что проявлялось и в соответствующих натуралистических изображениях женского тела, то космическая Мать-Природа, естественно, должна была символизироваться солярными и земными образами: металлами, растениями и животными. И олень в плане образной символики и жизненной востребованности в эпоху последнего ледникового периода для человека оказался очень подходящим животным: тело оленя символизировало животный мир Природы, его ветвистые рога, периодически обновляемые – растительное царство, а птицы на рогах-ветвях – небесный мир, золото, серебро и медь, украшавшие оленя, являлись символами звездного единства трех миров. Идея приоритета женского аспекта в образе оленя поддерживается и природной неагрессивностью животного, своеобразной пассивностью по отношению к хищнику и к человеку-охотнику.

Таким образом, Венеры каменного века с их выраженными половыми чертами могли быть лишь одной стороной поклонения Женскому Началу в каменном веке, а именно деторождению и охранению семейного очага. А другой стороной этого поклонения становилась сама Мать-Природа, характерным проявлением которой были животные, растения, птицы, планеты и звезды. В этой связи Филипповские олени представляют собой уникальную систему символов, своеобразную Библию кочевников, в которую включены все уровни бытия – от земного до космического. Эта скифо-сибирская Библия могла изображаться в зверином стиле целиком, как мы это видим в образах Филипповских оленей, а могла представляться в отдельных аспектах в зависимости от поставленной задачи: сцены терзания, бегущий олень, закрученный в спиральном движении, лежащий с подогнутыми ногами. Вероятно, камень, дерево и металл были взаимозаменяемыми символами, т.к. они

в жизни человека практически были всегда связаны с божественными качествами огня – теплом и светом: из камня высекали искры для костра, дерево поддерживало огонь, а металл невозможно было обработать без огня, и он излучал свет.

Вся эта скифо-сибирская библейская система символов являла собой внешнее по отношению к человеку царство – это мир Матери-Природы. Этот мир объединял небо с созвездиями и планетами, с Солнцем и Луной² и землю с животными и растениями и самим человеком. И есть все основания считать, что олень в сарматской культуре Филипповских курганов, в частности, и в скифо-сибирской цивилизации, в целом, символизировал, прежде всего, Женское Начало бытия. И женщина-жрица-царица в этом древнем культе поклонения образу оленя как космическому символу Матери-Природы, естественно, должна была играть главную роль. Отчасти этот приоритет сохранился и в скифо-сибирской кочевой культуре, особенно в матриархальных традициях сарматов. В современной же кочевой традиции посредниками-шаманами между миром людей и миром Природы могут быть как женщины, так и мужчины. Более того, древние памятники, начиная с каменного века, свидетельствуют об участии мужчин-жрецов в культе оленя-лося [27, с. 62-65]. Но это никак не исключает версию о том, что природная среда от земли до звездного пространства или космическая Мать-Природа, как мы ее до сих пор называем, представленная в виде образа оленя в каменном веке, а затем в скифо-сибирском зверином стиле, изначально ассоциировалась у древних кочевников с Женским Началом.

Литература

1. Агбунов М.В. Путешествие в загадочную Скифию. – М.: Наука, 1989. – 191 с.: ил.
2. Аллен Р.Х. Звезды. Легенды и научные факты о происхождении астрономических имен. Пер. с англ. Е.В. Ламановой. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2016. – 575 с.
3. Анисимов А.Ф. Космологические представления народов Севера. – М.-Л.: Академия наук СССР, 1959. – 106 с.
4. Бантиков А.И. Реставрация, реконструкция и научно-техническая экспертиза находок из Филипповских курганов // Золотые олени Евразии: каталог выставки / Под. общ. науч. ред. Р.Г. Кузеева, М.Б. Пиотровского. – СПб.: Славия, 2001. – 247 с.: ил. – С. 54-61.
5. Габышев Е. С. Культ солнца в мифологии якутов (проблема древних этнокультурных параллелей). Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. – СПб., 1998 [Электронный ресурс] URL: http://works.doklad.ru/view/2h087Z_8EEs.html (дата обращения 08.07.2017).
6. Голан Ариэль. Миф и символ. – М.: Русслит, 1993. – 376 с.: ил.
7. Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов // Вестник древней истории. – 1947. – №3. – С. 100-121.
8. Золотые олени Евразии: каталог выставки / Под. общ. науч. ред. Р.Г. Кузеева, М.Б. Пиотровского. – СПб.: Славия, 2001. – 247 с.: ил.
9. Золотые олени Евразии. Каталог выставки / Под общ. науч. ред. Р.Г. Кузеева, М.Б. Пиотровского. – СПб.: Славия, 2002. – 63 с.: ил.

² В башкирской этнографии Солнце и Луна изначально были женскими божествами, что является немаловажным фактом в подтверждении теории об образе оленя как символе Матери-Природы [26, с. 266]. Также известно, что во главе пантеона богов у причерноморских царских скифов стояла богиня Табиты, символом которой был огонь [1, с. 81].

10. Золотые олени Евразии. Каталог выставки / Под общей научной редакцией Р.Г. Кузеева, М.Б. Пиотровского, А.И. Шкурко. – СПб.: Славия, 2003. – 63 с.: ил.
11. Иванов В.А. Откуда ты, мой предок? (Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала). – СПб.: ТОО «Грань» – УНЦ РАН, 1994. – 144 с.: ил.
12. Илимбетова А.Ф. Олень в устном творчестве, народном искусстве и верованиях // Башкиры-гайнинцы: история и современность. – Уфа: Китап, 2012. – С. 164-199.
13. История и культура коряков / Под общей редакцией академика А.И. Крушанова. СПб.: Наука, 1993. – 235 с.: ил.
14. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. – М.: Наука, 1989. – 360с.: ил.
15. Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII – IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2006 – 272 с.: ил.
16. Котов В.Г. Мифология Южного Урала. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1997. – 65 с.
17. Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.: ил.
18. Ларичев В.Е. Сотворение Вселенной: Солнце, Луна и Небесный дракон. – Новосибирск: Наука, 1993. – 287 с.: ил.
19. Мифологическое время. Альбом-каталог. Государственный музей Природы и Человека. Ханты-Мансийск. Том I. – М.: Эпифания, 2003. – 215 с.: ил.
20. Мочанов Ю. В поисках внетропической прародины человечества // Сокровища культуры Якутии. Серия Наследие народов Российской Федерации / Главный редактор А.М. Тарунов. – М.: НИИЦентр, 2011. – С.114-121.
21. Николов Н., Харалампиев В. Звездочеты древности. Перевод с болгарского Е.А. Колотилова. – М.: Мир, 1991. – 293 с.: ил.
22. Окладников А.П. Олень золотые рога. Рассказы об охоте за наскальными рисунками. Открытие Сибири. Главы из книги. – Хабаровск: 1989. – 208 с.: ил.
23. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.: ил.
24. Пшеничнюк А.Х. Филипповка: некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южной Урале. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – 280 с.: ил.
25. Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. – Л.: АН СССР, 1952. – 258 с.: ил.
26. Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографический очерк. – Уфа: Китап, 2006. – 376 с.: ил.
27. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1994. – 608 с.: ил.
28. Сагалаев А.М. Урало-Алтайская мифология. Символ и архетип. – Новосибирск: Наука, 1991. – 154 с.
29. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964.– 381 с.: ил.
30. Токарев С.А. Ранние формы религии. – М.: Издательство политической литературы, 1990. – 662 с.: ил.
31. Хакимьянова А.М. Символика в башкирской народной песенной традиции // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Выпуск 90. – 2014. – №10(339). – С. 133-138.
32. Этимологические онлайн-словари русского языка [Электронный ресурс] URL: <https://lexicography.online/etymology/o/олень> (дата обращения 08.07.2017).

33. Яблонский Л.Т. Коллекция из Филипповского могильника (раскопки 2004-2007 гг.) // Сокровища сарматских вождей / Под общ. науч. ред. Л.Т. Яблонского. – Оренбург: Печатный дом «Димург», 2008. – С. 41-77.

34. Яблонский Л.Т. Сарматы Южного Приуралья // Сокровища сарматских вождей / Под общ. науч. ред. Л.Т. Яблонского. – Оренбург: Печатный дом «Димург», 2008. – С. 17-32.

35. Яблонский Л.Т. Новые находки в «царском» кургане 1 могильника Филипповка-1 (предварительное сообщение) // ДНК генеалогии и истории. – 2014 [Электронный ресурс] URL: <http://forumdna.org/forum/index.php/topic/205-novye-nahodki-v-tcarskom-kurgane-1-mogilnika-f/> (дата обращения 08.07.2017).

36. Яблонский Л.Т. Женщины сарматской цивилизации // Электронное периодическое издание «Научная Россия». – М.: 2011. [Электронный ресурс] URL: <http://scientificrussia.ru/articles/zhenshchiny-sarmatskoj-tsivilizatsii> (дата обращения 08.07.2017).

Статья поступила в редакцию 17.07.2017 г.

DOI 10.25712/ASTU.2518-7767.2017.03.008

ON SYMBOLISM OF THE DEER IN SCYTHIAN-SIBERIAN ANIMAL STYLE: A CASE OF BURIAL MOUND FILIPPOVKA-1

Tyutyugina Natalia

PhD in art studies, member of the Association
of art critics of Russia, associate Professor of
the Department of painting of the Ufa state
Institute of arts named after Z. Ismagilov.

Russia, Ufa.

tjutjugina@list.ru

Abstract

The paper considers deer statues from burial mound Filippovka-1 attributed to the Sarmatian culture of the 4th century BC as an unparalleled phenomenon of world art, history and archaeology. Despite their uniqueness, the deer statues are integrated into the animal-style symbolic system of the Siberian-Scythian civilization. Analysis of artistic, technological and semantic features of the deer artifacts from Filippovka makes it possible to reveal intricate symbolism of the image such as its association with astronomical knowledge and the category of otherness. Based on the studies conducted by the higher-level Soviet and Russian scholars, historians, archaeologists and ethnographers, the author of the paper advocates the theory of the origin of the deer image as the major one in the hierarchy of animal symbols in Eurasia during the Stone Age. When analyzing the research material, the author comes to the conclusion that in the Scythian-Siberian civilization the deer symbolized Mother Nature, the Feminine Principle of being.

Keywords: burial mound Filippovka-1, golden deer of Filippovka, Scythian-Siberian civilization, animal style, gold, silver, copper, bronze, fir, birch, willow, North Star, Sun, Moon, Venus, Stone Age, Mother Nature, Feminine Principle.

Bibliographic description for citation:

Tyutyugina N. V. On symbolism of the deer in Scythian-Siberian animal style: a case of burial mound Filippovka-1. *Iskusstvo Evrazii – The Art of Eurasia*, 2017, No 3(6), pp. 68-87. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2017.03.008. Available at: <https://readymag.com/u50070366/821476/18/> (In Russian).

References

1. Agbunov M. V. *Puteshestvie v zagadochnuju Skifiju* [A travel to mysterious Scythia]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 191 p.
2. Allen R. H. Star names: Their lore and meaning. Russian edition: *Zvezdy. Legendy i nauchnye fakty o proisхоzhdenii astronomicheskikh imen*. Moscow: Centrpoligraf Publ., 2016, 575 p.
3. Anisimov A. F. *Kosmologicheskie predstavleniya narodov Severa* [Cosmological notions of the peoples of the North]. Moscow, Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1959, 106 p.

4. Bantikov A. I. *Restavracija, rekonstrukcija i nauchno-tehnicheskaja jekspertiza naborok iz Filippovskih kurganov* [Restoration, reconstruction, scientific and technical examination of findings from the Filippovka burial mounds]. *Zolotye oleni Evrazii: katalog vystavki* [Golden deer of Eurasia: exhibition catalog. R.G. Kuzeev, M.B. Piotrovskij (eds.)]. St. Petersburg: Slaviya Publ., 2001, pp. 54-61.
5. Gabyshev E. S. *Kul't solnca v mifologii jakutov (problema drevnih jetnokulturnyh paralelej)* [Cult of the Sun in Yakut mythology (the problem of ancient ethnocultural parallels)]. Ph.D Thesis in History. St. Petersburg, 1998. Available at: http://works.doklad.ru/view/2h087Z_8EEs.html (accessed July 8, 2017).
6. Golan A. *Mif i simbol* [Myth and symbol]. Moscow: Russlit Publ., 1993, 376 p.
7. Grakov B. N. *Perezhitki matriarbata u sarmatov* [Remains of matriarchy among Sarmatians]. *Vestnik drevnej istorii – Bulletin of Ancient History*, 1947, No. 3, pp. 100-121.
8. *Zolotye oleni Evrazii: katalog vystavki* [Golden deer of Eurasia: Exhibition catalogue]. R.G. Kuzeev, M.B. Piotrovskij (eds.). St. Petersburg, Slaviya Publ., 2001, 247 p.
9. *Zolotye oleni Evrazii. Katalog vystavki* [Golden deer of Eurasia: Exhibition catalogue]. R.G. Kuzeev, M.B. Piotrovskij (eds.). St. Petersburg, Slaviya Publ., 2002, 63 p.
10. *Zolotye oleni Evrazii. Katalog vystavki* [Golden deer of Eurasia: Exhibition catalogue]. R.G. Kuzeev, M.B. Piotrovskij, A.I. Shkurko (eds.). St. Petersburg, Slaviya, 2003, 63 p.
11. Ivanov V. A. *Otkuda ty, moj predok? (Vzgljad arheologa na drevnjuy istoriju Juzhnogo Urala)* [Where are you from, my ancestor? (An archaeologist's view of ancient history of the South Urals)]. St. Petersburg: Gran', UNC RAN, 1994, 144 p.
12. Ilimbetova A. F. *Olen' v ustnom tvorchestve, narodnom iskusstve i verovanijakh* [Deer in folklore, folk art and beliefs]. *Bashkiry-gajnincy: istorija i sovremennost* [Bashkirs-Gaininians: History and Modernity]. Ufa, Kitap Publ., 2012, pp. 164-199.
13. *Istoriya i kultura korjakov* [History and culture of the Koryaks]. A.I. Krushanov (ed.). St. Petersburg, Nauka Publ., 1993, 235 p.
14. *Kalendarnye obychai i obrjady narodov Vostochnoj Azii. Godovoj cikel* [Calendar customs and rites of the peoples of East Asia. Yearly cycle]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 360 p.
15. Korol'kova E. F. *Zverinyj stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ja i Juzhnogo Priural'ja v skifskuju jepohu (VII – IV vv. do n.je.). Problemy stilja i jetnokul'turnoj prinaldzhnosti* [Animal style of Eurasia. Art of the tribes of the Lower Volga and Southern Ural regions during the Scythian time (7th – 4th centuries BC). Issues of style and ethnocultural affiliation]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2006, 272 p.
16. Kotov V. G. *Mifologija Juzhnogo Urala* [Mythology of the South Urals]. Ufa: IJaL UNC RAN, 1997, 65 p.
17. Kubarev V. D. *Drevnie izvajaniya Altaja* [Ancient stone sculptures of the Altai]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1979, 120 p.
18. Larichev V. E. *Sotvorenije Vselennoj: Solnce, Luna i Nebesnyj drakon* [Creation of the Universe: The Sun, the Moon and the Celestial Dragon]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1993, 287 p.
19. *Mifologicheskoe vremja. Al'bom-katalog* [Mythological time. Album-catalogue]. Gosudarstvennyj muzej Prirody i Cheloveka. Hanty-Mansijsk. Vol. 1. Moscow, Jepifaniya Publ., 2003. 215 p.: il.
20. Mochanov Ju. *V poiskah vnetropicheskoi prarodiny chelovechestva* [In search for the extra-tropical motherland of mankind]. *Sokrovishha kul'tury Jakutii. Serija Nasledie narodov Rossijskoj Federacii* [Treasures of the culture of Yakutia. Series Heritage of the Peoples of the Russian Federation]. A.M. Tarunov (ed.). Moscow, NIICentr, 2011, pp. 114-121.
21. Nikolov N., Haralampieiev V. *Zvezdochety drevnosti* [Astrologers of the ancient times]. Russian edition. E.A. Kolotilov (transl. from Bulgarian). Moscow, Mir Publ., 1991, 293 p.

22. Okladnikov A. P. *Olen' zoloty roga. Rasskazy ob ohote za naskal'nymi risunkami. Otkrytie Sibiri. Glavy iz knigi* [Deer with golden horns. Stories about seeking cave paintings. The discovery of Siberia. Chapters from the book]. Habarovsk, 1989, 208 p.
23. Polos'mak N. V. *Vsadniki Ukoka* [The horsemen of Ukoka]. Novosibirsk, INFOLIO-press Publ., 2001, 336 p.
24. Pshenichnjuk A. H. *Filippovka: nekropol' kochevoj znati IV veka do n.e. na Juzhnoj Urale* [Filippovka: The necropolis of nomadic nobles of the 5th century BC in the South Urals]. Ufa: IIJaL UNC RAN, 2012, 280 p.
25. Rudenko S. I. *Gornoaltajskie nabadki i skify* [Altai-mountain findings and the Scythians]. Leningrad, AN SSSR, 1952, 258 p.
26. Rudenko S. I. *Bashkiry: Istoriko-jetnograficheskij ocherk* [The Bashkirs. An outline of history and ethnography]. Ufa, Kitap Publ., 2006, 376 p.
27. Rybakov B. A. *Jazychestvo drevnih slavian* [Early Slavic heathenism]. Moscow, Nauka Publ., 1994, 608 p.
28. Sagalaev A. M. *Uralo-Altajskaja mifologija. Simvol i arhetip* [Uralian-Altaic mythology. Symbol and archetype]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991, 154 p.
29. Smirnov K. F. *Savromaty. Rannjaja istorija i kul'tura sarmatov* [The Savromatians. Sarmatian early history and culture]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 381p.
30. Tokarev S. A. *Rannie formy religii* [Early types of religion]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1990, 662 p.
31. Hakim'janova A. M. *Simvolika v bashkirskoj narodnoj pesennoj tradicii* [Symbolism in the Bashkir folk song tradition]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. Iskustvovedenie – Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art History*, issue 90, 2014, No. 10 (339), pp. 133-138.
32. *Jetimologicheskie onlajn-slovari russkogo jazyka* [Etymological online-dictionaries of the Russian language]. Available at: <https://lexicography.online/etymology/o/olen'> (accessed July 8, 2017).
33. Jablonskij L. T. *Kollekcija iz Filippovskogo mogil'nika (raskopki 2004-2007 gg.)* [The collection from the Filippovka burial mound (excavations in 2004-2007)]. *Sokrovishha sarmatskih vozhdjev* [Treasures of the Sarmatian leaders] L.T. Jablonskij (ed.). Orenburg, Pechatnyj dom «Dimur», 2008, pp. 41–77.
34. Jablonskij L. T. *Sarmaty Juzhnogo Priural'ja* [The Sarmatians of the South Ural Region]. *Sokrovishha sarmatskih vozhdjev* [Treasures of the Sarmatian leaders] L.T. Jablonskij (ed.). Orenburg, Pechatnyj dom «Dimur», 2008, pp. 17-32.
35. Jablonskij L. T. *Novye nabadki v «carskom» kurgane 1 mogil'nika Filippovka-1 (predvaritel'noe soobshhenie)* [New findings in the «Tsar's» burial mound of Filippovka-1 necropolis (preliminary communication)]. *DNK genealogii i istorii* [DNA of genealogy and history]. 2014. Available at: <http://forumdna.org/forum/index.php/topic/205-novye-nahodki-v-tcarskom-gane-1-mogilnika-f/> (accessed July 08, 2017).
36. Jablonskij L. T. *Zhenshhiny sarmatskoj civilizacii* [Women of the Sarmatian civilization]. *Elektronnoe periodicheskoe izdanie «Nauchnaya Rossiya» – Scientific Russia*. Moscow, 2011. Available at: <http://scientificrussia.ru/articles/zhenshchiny-sarmatskoj-tsivilizatsii> (accessed July 08, 2017).

Received: Luly 17, 2017